

УДК 821.161.1'052-3Лесков.09
DOI: 10.26565/2227-1864-2019-81-04

Эстетические особенности таинственного и игрового в художественном мире произведений Н. С. Лескова («Обойденные», «Святочные рассказы», «Чертовы куклы»)

Л. А. Скубачевская

*кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина;
e-mail: skubachevskaya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1947-7015>*

А. С. Титова

*студентка филологического факультета,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина;
e-mail: sasha_titova@hotmail.com*

В статье исследуется использование Лесковым приемов пародии, карикатуры, черного юмора, поэтики маскарада, снов и фантастики, запутанных сюжетных ходов и др. элементов игровой поэтики. Особенно важными для нее оказываются смена точек зрения, игра с читательскими ожиданиями, авторская ирония. Исследованные мотивы, приемы, игровая поэтика и жанровые эксперименты демонстрируют художественное новаторство Лескова, «переходные» явления в литературе конца 19 в., иногда некоторые сближения с «новой» прозой рубежа 19–20 вв. Кроме того, показано, что «игровые» мотивы и приемы используются писателем так, что благодаря им он находит в повседневности знаки, указывающие на тайны бытия, а это переводит восприятие его прозы из нравственно-психологической плоскости в сферу онтологии.

Ключевые слова: Лесков, тайна, игра, маскарад, сон, мотив, ирония

Скубачевська Л. О., Титова О. С. Естетичні особливості таємничого та ігрового в художньому світі творів М. С. Лескова («Обійдені», «Святкові оповідання», «Чортові ляльки»)

Актуальність дослідження визначається зростаючим інтересом сучасного літературознавства до проблеми духовно-таємничого початку в природі та поведінці людини в художньому світі прози Лескова. У статті охарактеризовані естетичні особливості таємничого та ігрового в творах Лескова. Об'єктом дослідження є оповідання «Привид в Інженерному замку» з циклу «Святкові оповідання» (1889) та романи «Обійдені» (1865) і «Чортові ляльки» (1891). Ці твори, різні за жанром і написані в різний час, єдине наявність в них мотивів таємниці, обману, підміни, ляльки, смерті, ігрового простору маскараду, ілюзорного простору сну, експерименту з жанром, що і є предметом дослідження.

У статті показано, що Лесков використовує прийоми пародії, карикатури, чорний гумор, поетику маскараду, снів і фантастику, запутані сюжетні ходи та інші елементи ігрової поетики. Особливо важливими для неї виявляються зміна точок зору, гра з читачькими очікуваннями, авторська іронія. Герої в нього стають ляльками-маріонетками, психологія відходить на периферію, соціальний аспект нівелюється, відчуття загадкових явищ ускладнює художню картину світу. В цілому досліджені мотиви, прийоми, ігрова поетика і жанрові експерименти демонструють художнє новаторство Лескова, «перехідні» явища в літературі кінця 19 століття, іноді деякі зближення з «ною» прозою межі 19–20 століть. Крім того, показано, що «ігрові» мотиви і прийоми використовуються письменником так, що завдяки ним він знаходить в повсякденності знаки, що вказують на таємниці буття, а це переводить сприйняття його прози з морально-психологічної площини в сферу онтології.

Ключові слова: Лесков, таємниця, гра, маскарад, сон, мотив, іронія

Skubachevskaya L. A., Titova A. S. The esthetic features of the mysterious and playful in the art world Leskov's works ("Neglected People", "Christmas Stories", "The Devil Dolls")

The relevance of the subject is determined by the growing interest of contemporary literary criticism to the problem of the spiritually mysterious aspects of human nature and behavior described in the Leskov's art. The author brings it closer to the New Literature of the turn of the 19–20 centuries.

The purpose of the article is the characterization of esthetic mysterious and playful features the Leskov's art. The object of the work is study the novel "The ghost in the Engineering Castle" belonging to the "Christmas Stories" (1889) and "Neglected People" (1865) and "The Devil Dolls" (1891). These works are distinguished by genres and time of writing. On the other hand, the existence of mysterious, deception, switch, masquerade, dream motives unites these novels. This fact defines the study matter.

As it turned out, Leskov uses literary devices such as parody, caricature, black humor, poetics of masquerade, dreams and fantasy, complicated storylines, etc. All of them relate to the poetics of game. The most important among them are changing the points of view, the game with the reading expectations and the author's irony.

As a whole, researched motives, methods, the poetics of game and the experiments with the genre show us Leskov's artistic innovation, "transitional" phenomenon in the literature of the end of 19 century. Either it shows us certain convergences with New Prose of the turn of 19 and 20 centuries. Furthermore, the research has shown that Leskov uses the game to find out the signs of human being mystery in everyday life. His fact transfers the prose perception from the moral and psychological field to ontology.

Key words: Leskov, mystery, game, masquerade, genre, dream, motive, irony

За последние десятилетия отечественная наука сумела по-новому подойти к осмыслению основных направлений развития русской литературы рубежа 19–20 веков – как в русле модернизма, так и неореализма. Результаты этих исследований позволяют по-новому взглянуть и на предшествующие этапы литературного процесса 19 столетия, готовившие многие новации искусства «серебряного века». Предлагается именно такой ракурс рассмотрения произведений одного из выдающихся реалистов второй половины 19 века – Николая Семеновича Лескова. В результате будет предложено во многом прочтение его «Святочных рассказов» (1889) и романов «Обойденные» (1865) и «Чертовы куклы» (1891). Представляется, что в произведениях Лескова, разных по жанру и написанных в разное время, важную роль играет не только *тайное, сокрытое и непознаваемое*, но и *случайное, мнимое, игровое*, и исследование роли обмана, тайны, игрового пространства маскарада, иллюзорного пространства сна, эксперимента с жанром позволит по-новому взглянуть на место и значение этого писателя в литературном процессе «переходного» периода 1880-х годов. Цель исследования – охарактеризовать эстетические особенности таинственного и игрового в художественном мире произведений Лескова.

Анализ поэтики святочных рассказов Лескова показал, что при бытописании, воспроизведении живой повседневности и «истинных происшествий», в них избыточно много различных случайностей, совпадений, неожиданностей, розыгрышей, обманов, подмен, самозванцев, привидений, сновидений, иллюзий и т.д. Это свидетельствует о внимании писателя к «таинству бытия», которое «вторгается в повседневную жизнь» [4: 434].

Как создатель святочных рассказов, автор вроде бы занят «разоблачением суеверий» и «выведением морали». В то же время, представляется, что для таких простых нравоучений в лесковских рассказах слишком сложные сюжеты, сосредоточивающие внимание читателей на быстро сменяющих друг друга слишком многочисленных для маленьких рассказов случаях. Поэтому разоблачения и мораль в конце рассказов производит не такое сильное впечатление, как переданное ощущение власти случая, тайны. При этом некоторые случаи как будто не случайны, а подстроены героями и потом разоблачаются: они чудесны для необразованного героя, но не для ироничного автора и проницательного читателя.

В святочных рассказах Лескова все оказываются не такими, какими представляются, и люди постоянно сталкиваются с фальшивками, подлогами, масками, иллюзиями, и произведения строятся по формуле казалась/оказалось. В рассказах очень важна роль игрового начала, пародии, карикатуры, черного юмора, для них

характерна смена точек зрения, игра с читательскими ожиданиями, авторская ирония.

Так, например, в рассказе «Привидение в Инженерном замке» (1882) повествуется как будто о реально произошедшем случае, имевшем поучительный смысл. Неожиданно этот святочный рассказ даже обнаруживает очерковое начало: говорится о действительной истории Инженерного замка, бывшего Михайловского, построенного для императора Павла I, убитого в этом же замке в 1801 году; в связи с происходящими в замке событиями дается (хотя и в ироничном ключе) ссылка на книгу Д.В. Кобеко «Цесаревич Павел Перович», действительно изданную в Петербурге в 1881 году; рассказывается, как императорский замок стал Инженерным и в нем появились кадеты; сюжетным центром лесковского рассказа является смерть реального исторического лица – инженера-генерал-майора Петра Карловича Ломновского, бывшего начальником Главного инженерного училища с 1844 года. Кроме того, рассказ имеет подзаголовок «Из кадетских воспоминаний», и действительно, воспоминания кадета И.С. Запорожского, выпустившегося из училища в 1864 году, послужили материалом для рассказа.

В то же время с самого начала якобы достоверного рассказа автор плотно наполняет его разного рода таинственными легендами, слухами, покойниками, гробами, призраками и т.д. Во-первых, конечно, призрак императора Павла, жестоко убитого ночью в собственной спальне своими подданными. Во-вторых, голос и тень Петра Великого, виденные и слышанные и Павлом, и «людьми к нему приближенными»: «Прадед будто бы покидал могилу, чтобы предупредить своего правнука, что дни его малы и конец их близок. Предсказание сбылось» [2: VII: 44]. В-третьих, «темная» «репутация» замка: «Есть дома, где, по общему мнению, *нечисто* <...> Таинственные явления, приписываемые духам и привидениям, замечали здесь почти с самого основания замка» [2: VII: 44].

Кроме этого, еще история о кадете, по слухам, засеченном розгами насмерть за провинность перед «высоким лицом»: «сам этот кадет стал новым привидением. Товарищи начали его видеть «всего иссеченного» и с гробовым венчиком на лбу» [2: VII: 46].

Центральное событие сюжета – смерть генерала Ламновского – случилось «поздней осенью, в ноябре месяце, когда Петербург имеет самый человеконенавистный вид: холод, пронизывающая сырость и грязь; особенно мутное туманное освещение тяжело действует на нервы» [2: VII: 48].

И, наконец, появление *Серого человека*, который «встает» и «ходит» в *сумерках*, что, с одной стороны, отсылает рассказ Лескова к философской лирике Ф.И. Тютчева, а с другой, – сближает его с мировидением новой, модернистской литературы: «Известно, что в

сумерках в душах обнаруживается какая-то особенная чувствительность – возникает новый мир, затмевающий тот, который был при свете: хорошо знакомые предметы обычных форм становятся чем-то прихотливым, непонятным и, наконец, даже страшным. <...> мир обращается в сон, а сон – в мир... Это заманчиво и страшно, и чем более страшно, тем более заманчиво и завлекательно...» [2: VII: 49–50].

Конечно, очевидно, что рассказ Лескова имеет целью высмеять суеверия, «разоблачить вредный предрассудок», и священник связывает Серого человека с совестью. Однако представляется, что для такой простой морали в произведении слишком перегруженный перипетиями сюжет. Дело усложняется тем, что важную роль здесь имеет игровое начало.

В рассказе масса розыгрышей, накладывающихся один на другой, а весь рассказ строится вокруг тайны о призраке. Так, один кадет наряжался в белую простыню и, выглядывая в таком виде из проема окна замка, пугал прохожих. За это, по слухам, он был убит и стал являться уже «настоящим призраком». Разумеется, что это старшие кадеты таким образом пугали младших, причем «сами поддельватели привидения его тоже побаивались» [2: VII: 46].

Кадеты же, недолюбливая своего начальника генерала Ламновского, сочинили на него *карикатуру* с «доением носа», и еще распустили слух, что он «знается с нечистою силою и заставляет демонов таскать для него мрамор», и теперь демоны ждут его кончины, потому что это возвратит им свободу [2: VII: 48]. В именины же генерала кадеты ежегодно устраивали ему «похороны» – с чучелом в маске, со свечами, погребальными песнями и т.д.

Наконец, кульминационный эпизод рассказа посвящен действительным похоронам Ламновского: кадеты, дежурившие у гроба так боялись, что решили и над мертвым генералом проделать шутку с носом, и в этот момент точно появилось привидение – то ли оскорбленный покойник встал из гроба, то ли сам дух замка, то ли Серый человек. В действительности это была изможденная болезнью вдова генерала, «тихая, как ангел» и «добрый гений» [2: VII: 47], сама умирающая, вставшая со смертного одра, чтобы проститься с мужем. В целом все эти шутки рядом со смертью, приключения и смех у гроба граничат с черным юмором, с которым тесно связан абсурд в литературе.

Так же и в других рассказах цикла смех в как будто веселых финалах возникает от несовпадения между тем, что говорится, и тем, что это значит, тем, о чем думает ироничный автор.

Таким образом, в святочных рассказах Лесков не столько выводит «какую-нибудь мораль», сколько «пересмеивает» ее – с помощью обмана ожиданий читателя, игры, запутанных сюжетных

ходов, и в результате даже пародирует сам жанр святочного рассказа. В то же время писатель, изображая повседневный быт, указывает и на ощущение человеком тайны собственной природы и окружающего его мира, на то, что открывается за привычным видом вещей, явлений, а это сближает его художественный мир с «новой» прозой рубежа 19–20 веков.

В романе «Обойденные» исследованный *мотив маскарада* оказывается связанным с мотивами интриги, притворства, насмешки, игры. Причем граница между игрой и не-игрой стирается, появляются мотивы тайны, судьбы, смерти, в конце концов возникает мотив «жизнь – игра».

Н.Н. Старыгина о романе Лескова «На ножах» писала, что «в область игры в антинигилистических романах втягиваются *темные силы (отрицательные герои)*» [5: 96]. В «Обойденных» же «интригой», разлучившей героев, причиной нарушения обещаний, данных Долинским Анне Михайловне, стала прекрасная, любящая Анну Михайловну, тоже «чистою» любовью, «положительная» Дора.

Влюбляясь в Дору и предавая Анну Михайловну, Долинский думает о Доре: «Ее странные намеки, ее порывы, которых она не может сдержать, или... не хочет даже сдерживать! Потом ему казалось, что Даша всегда была такая, что она просто, *по обыкновению своему, шалит, играет* своими странными вопросами, и ничего более» [2: III: 178]. Любительница же маскарадов и «странных вопросов» Дора, находясь при смерти и страдая, «философствует» так: «Это ведь люди все выдумывали: вымышленное горе, ложный страх, ложный стыд; а кому горько, или кому стыдно, так все равно, что от ложного, что от настоящего горя – все равно. *Кто знает, что у кого ложное?*» [2: III: 178].

Во сне Долинский видит *играющего с ним в фанты* огромного крокодила-чудовище, и в результате этой игры гибнут и Анна Михайловна, и Дора. Наяву, получив любовь Долинского, Дора вскоре умирает от чахотки.

Важно отметить, что главные персонажи лишены психологической детализации, свойственной героям романов 19 века. Взяв за основу довольно литературный сюжет, схожий с «Дворянским гнездом» И.С. Тургенева (1859), Лесков меняет акценты: герои становятся куклами-марионетками, психология уходит на периферию, социальный аспект стирается, ощущение загадочных явлений усложняет художественную картину мира, ситуации оказываются условными, действие иногда напоминает комедию положений.

Таким образом, роман «Обойденные» демонстрирует, как новации, близкие писателям начала 20 века, намечены в классической литературе уже на этом этапе, что говорит о широте, продуктивности реалистического метода.

Автор «Чертовых кукол» понимал сложность жанровой природы своего романа и указывал на его фантастичность и фрагментарность, пробовал даже выдать за отрывки из неоконченного романа, что свидетельствует о художественном эксперименте писателя с жанром. Обращает на себя внимание разнообразие авторских жанровых определений романа и подзаголовков к нему. В каждом варианте подзаголовка актуализируются различные жанровые особенности произведения: 1) «Чертова кукла. Фантастическая повесть», 2) «Чертовы куклы. Фантастический рассказ», 3) «Чертовы куклы. Роман. Часть первая. Рапсодии», 4) «Чертовы куклы. Повесть» и 5) «Чертовы куклы. Фантастическая повесть (из рассказов отставного флота капитана Берингова)». Добавляется излюбленный лесковский прием – вымышленный рассказчик; есть редакция и с введением рассказчика, в котором роман выдается за «найденную рукопись». Автор осознавал мозаичность, фрагментарность своего произведения и иногда указывал на нее, давая подзаголовки «Ряд картин», «Главы из неоконченного романа». В современных изданиях роман публикуется без подзаголовков и жанровых определений. Но элементы жанровой поэтики, на которые указывал в них автор, в романе сохранились.

Хронотоп романа «Чертовы куклы» может наталкивать на мысль о том, что перед нами стилизация западноевропейского романтического произведения. Пространственно-временные рамки романа, несколько авантюрный сюжет, а также система персонажей в целом позволяют сделать подобный вывод при первом взгляде на произведение. Действие происходит сначала в Италии, «в начале истекающего девятнадцатого столетия», потом переносится в экзотическую горную страну, но большая часть романа проходит в фантастической стране герцога. Тем не менее, представляется, в данном случае уместнее говорить о высокой степени условности хронотопа и элементов поэтики в целом, чем о стилизации. Колоритные и экзотические для современников локации как будто напоминают что-то знакомое, известное по литературе, но в то же время они фантастические, и по внешним признакам очень отличаются от реалий Российской империи. Исследователи отмечают связь «Чертовых кукол» с произведениями Э.Т.А. Гофмана. Сам Лесков в письме к П.К. Щербальскому указывал на то, что он намерен подражать в «приеме» «Серапионовым братьям» [2: XI: 293]. Конечно, мотив человека-марионетки восходит к романтической литературе. И.В. Столярова отмечает, что куклы Лескова восходят к традиции «Песочного человека» и «Автомата» Э.Т.А. Гофмана и отчасти к «Пестрым сказкам» В.Ф. Одоевского, а затем и к сатирическим произведениям М.Е. Салтыкова-Щедрина [6]. Возможно, таким образом Лесков

подчеркивал универсальность конфликтов и образов романа.

Как будто сами герои указывают на вымышленность страны фантастического герцога. Перед нами скорее театральные декорации, сцена, меняющие друг друга картины и действия. В то же время с самого начала романа звучит тема творчества и искусства – читатель оказывается в обществе художников в Риме. Психология героев, на которой обычно концентрируется внимание писателей второй половины 19 века, в «Чертовых куклах» редуцирована. Герои-куклы словно театральные маски: «а он был под маскою и притом неизвестно под короною» [3: 170].

Как отмечает А. Шалаева, любовные линии герцога, художника и его жены показаны автором «на фоне столичной жизни, придворных интриг и получают типично петербургскую развязку на маскараде во время холерной эпидемии» (цит. по: [3: 292]). На маскараде царят интриги, обманы, насмешки: «Маска его, вероятно, обманула и теперь над ним издевается» [3: 104].

Фантастика и условность позволяют автору обнажить проблемы, над которыми он размышлял в последние свои годы, – о недостатке жизни в людях-куклах, призрачности действительности, роке. В то же время эти приемы помогают писателю актуализировать в романе игровое начало, проявившееся на разных уровнях произведения, в том числе и в жанровой поэтике. В «Чертовых куклах» видели аллегорию и притчу. Считается, что «этот притчеобразный роман вызывал у читателя вполне ясные аллюзии: в его героях можно было распознать реальных лиц – прежде всего высочайших особ» (цит. по: [3: 281]). На наш взгляд, роман нельзя считать ни притчей, ни памфлетным изображением николаевской эпохи.

Анализ игровой поэтики и жанрового своеобразия романа «Чертовы куклы» показал, что в позднем романе Лесков снова экспериментирует с жанром и не только сатирически изображает николаевскую эпоху, но продолжает размышлять о тайне природы человека, о свободе и марионетках, одухотворенном и механическом, подлинной и мнимой жизни, судьбе и возмездии.

Очевидно, что в романе о «куклах», «безнатурных» «людях-марионетках» мотив игры возникает на различных уровнях поэтики. В сюжете романа присутствует довольно много игр-соревнований между героями, споров, дуэлей. Но люди-куклы не способны ни любить, ни дружить, ни противостоять враждебным обстоятельствам.

Кто же распоряжается судьбами героев? Очевидно, судьбами «чертовых кукол» играет дьявол. Персонажи ощущают его невидимую волю. Так, Пик объясняет возникшую в его личной жизни драму происками «дьявола, который играет ими» «в куклы» и «знает дело во

всех положений» [3: 127]. И тогда самоубийство Фебуфиса – поражение в этой игре.

Можно подумать, что роль дьявола в романе играет герцог, руководитель страны, владелец неземных богатств, покровитель Фебуфиса. Он оказывает влияние на любые сферы жизни, заставляет все идти по своему плану, от вопросов искусства до вопросов женитьбы своих подданных. Важным эпизодом романа становится маскарад, где единственный персонаж, не надевающий маску, – герцог. Очевидно, дьяволу не нужна маска.

Однако представляется, что под дьявольской игрой в романе понимается не столько воля герцога, сколько судьба, рок или возмездие за «безнатурность» людей. В романе появляется сама Немезида. Можно сказать, Немезида привела Фебуфиса к его поражению в игре дьявола, происходящей на протяжении всего романа. В то же время Фебуфис и сам становится исполнителем и проводником дьявольской игры.

В итоге романе «Чертовы куклы» персонажи-марионетки признают волю герцога и играют друг с другом в злые игры, и проигрывают в дьявольской игре, преследуемые мстительной судьбой.

Итак, анализ таинственного и игрового в художественном мире прозы Лескова показал, что во всех исследованных произведениях важную

роль играют мотивы обмана, интриги, насмешки, притворства, маскарада, самозванства, иллюзий, сновидений, совпадений, подмены, куклы, жизни-игры, смерти, тайны, судьбы, рока, что позволило уточнить и предложить новые интерпретации произведений. Выяснилось, что большое значение для произведений Лескова имеет игровое начало, особенно авторская ирония, что свидетельствует о важной роли художественного эксперимента в его творчестве.

Лесков экспериментирует с жанрами, сочетает сказочно-счастливое с критическим, серьезное с игровым, стилизует и использует интертекст, выходит на металитературный уровень, иронизирует, пародирует и даже прибегает к мистификациям.

В целом исследованные мотивы, приемы, игровая поэтика и жанровые эксперименты демонстрируют *художественное новаторство* Лескова и его продуктивность.

Вместе с тем очевидно внимание Лескова к ощущению человеком загадочности собственной природы и окружающего его мира, и исследование показало, что «игровые» мотивы и приемы используются писателем так, что благодаря им он находит в повседневности знаки, указывающие на тайны бытия, а это переводит восприятие его прозы из нравственно-психологической плоскости в сферу онтологии.

Литература

1. Лесков Н.С. в пространстве современной филологической мысли (К 175-летию со дня рождения). Санкт-Петербург: ИМЛИ РАН, 2010. 376 с.
2. Лесков Н.С. Собр. соч.: в 12 т. / сост. и общая ред. В.Ю. Троицкого. Москва: Правда, 1989.
3. Лесков Н.С. Чёртовы куклы / изд. подг. А.А. Шелаева. Санкт-Петербург: Наука, 2015. 364 с.
4. Поддубная Р.Н. Становление концепции личности у Н.С. Лескова (разновидности и функции фантастического в романе «На ножках» // Поддубная Р.Н. Современность классики / сост. И.И. Московкина, Т.А. Шеховцова. Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. С. 419–447.
5. Старыгина Н.Н. Поэтика игры в романе «На ножках» Н.С. Лескова // Филологические науки. 1996. № 3. С. 94–101.
6. Столярова И.В. Традиции Гофмана в романе Н.С. Лескова «Чертовы куклы» // От Пушкина до Белого: Проблемы поэтики русского реализма 19 – начала 20 века: Межвузовский сборник. Ленинград: Худож. лит., 1992. С. 170–193.
7. Шелаева А.А. О западноевропейских корнях русского романа: плут, шут и дурак в романе Н.С. Лескова «Чертовы куклы» // Вестник Воронежского государственного университета. 2013. №1. С. 24–37.

References

1. Leskov N.S. v prostranstve sovremennoy filologicheskoy misly (K 175-letiyu so dnya rojdeniya). Sankt-Peterburg: IMLI RAN, 2010. 376 s.
2. Leskov N.S. Sobr. soch.: v 12 t. / sost. i obshchaya red. V.Y. Troitskogo. Moskva: Pravda, 1989.
3. Leskov N.S. Chertovy kukly / izd. podg. A.A. Shelaeva. Sankt-Peterburg: Nauka, 2015. 364 s.

4. Poddubnaya R.N. Stanovleniye kontseptsii lichnosti u N.S. Leskova (raznovidnosti i funktsii fantasticheskogo v romane "Na nozhakh" // Poddubnaya R.N. Sovremennost klassiki / sost. I.I. Moskovkina, T.A. Shekhovtsova. Kharkov: KhNU imeni V.N. Karazina, 2015. S. 419–447.
5. Starygina N.N. Poetika igry v romane "Na nozhakh" N.S. Leskova // Filologicheskiye nauki. 1996. № 3. S. 94–101.
6. Stolyarova I.V. Traditsii Gofmana v romane N.S. Leskova "Chertovy kukly" // Ot Pushkina do Belogo: Problemy poetiki russkogo realism 19 – nachala 20 veka: Mezhvuzovskiy sbornik. Leningrad: Hudozh. lit., 1992. S. 170–193.
7. Shelaeva A.A. O zapadnoyevropeyskikh kornyach russkogo romana: plut, shut i durak v romane N.S. Leskova "Chertovy kukly" // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1. S. 24–37.

Скубачевська Любов Олександрівна, кандидат філологічних наук, доцент кафедри історії російської літератури, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна (майдан Свободи, 4, Харків, 61022, Україна); e-mail: skubachevskaya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1947-7015>

Скубачевская Любовь Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина (площадь Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: skubachevskaya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1947-7015>

Skubachevska Liubov, PhD in Philology, Associate Professor, Karazin Kharkiv National University (Svobody Sq., 4, Kharkiv, 61022, Ukraine); e-mail: skubachevskaya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1947-7015>

Титова Олександра Сергіївна, студентка філологічного факультету, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна (майдан Свободи, 4, Харків, 61022, Україна); e-mail: sasha_titova@hotmail.com

Титова Александра Сергеевна, студентка филологического факультета, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина (площадь Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: sasha_titova@hotmail.com

Oleksandra Tytova, student of the philological faculty, Karazin Kharkiv National University (Svobody Sq., 4, Kharkiv, 61022, Ukraine); e-mail: sasha_titova@hotmail.com